

Открытие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Открытие. Максим Горький

Этюд

I

...Папироса погасла.

Михаил Иванович положил её в пепельницу и стал сосредоточенно мять пальцами бумагу мундштука. Он делал это с таким усердием, как будто бы, уничтожая окуроч, мог вместе с ним уничтожить неотвязное ощущение беспокойства, смутное предчувствие чего-то неприятного, тяжёлого, готового вторгнуться в его жизнь, которая, он полагал, уже установилась навсегда.

Покончив с окурком, он отряхнул пальцы, поднёс их к глазам, нашёл, что они выпачканы, и, вынув из кармана платок, тщательно стал вытирать их, откинувшись в глубь кресла и высоко подняв свои красивые чёрные брови. По мере того, как стиралась сажа с пальцев, с выразительного, тонкого и самоуверенного лица Михаила Ивановича исчезала неопределённая задумчивость, уступая место выражению решительности.

«Надо объясниться... Это глупо – сидеть здесь и воображать бог знает что... Просто у неё нервы», – подумал он, чистя ногти маленьким ножичком.

Смеркалось, и в кабинете – большом, высоком, тесно заставленном мебелью, – стало как будто ещё теснее. Какая-то мгла наполняла его, точно тут было сильно накурено, и дым – опаловый, чуть видный глазу, висел в воздухе недвижной лёгкой пеленой. Окна были закрыты спущенными драпри, кое-где, сквозь материю, блестели маленькие кусочки темневшего неба, и с улицы доносился гулкий шум чьих-то шагов по панели. Больше не было слышно никаких звуков, и это раздражало Михаила Ивановича, – ему хотелось бы воспринять какое-нибудь впечатление, чтобы оживить им свою мысль, остановившуюся на этом... вчерашнем, отвлечься от него как-нибудь.

«Всего лучше идти и спросить... Прямо спросить – что такое?... Гм? Неужели мы вступаем в пояс семейных сцен, идя по тропинке брачной жизни? Пойду к ней... Кстати, здесь темно и душно...»

Он встал с кресла, пошёл к двери и остановился, вдруг ощутив в себе желание снова, ещё раз и точно, со всеми деталями, вызвать в памяти эту вчерашнюю сцену, нарушившую его внутреннее равновесие.

Вчера он с женой был в гостях у журналиста Худатова, и там, как всегда бывает в этом доме, – поднимали и решали разные вопросы. Общий тон разговоров был либеральный, а Михаил Иванович, человек иного настроения, терпеть не может либерализма Худатова и его компании.

Он думает, что это либерализм профессионалистов, либерализм по привычке и по обязанности, – нечто старое, узкое и поросшее плесенью традиции, сквозь которую в него не проникает дух новых веяний, быть может, и нежизненных, но всё-таки требующих, чтобы с ними считались.

Его раздражают и вызывают в нём чувство иронии эти давно знакомые речи, эти ссылки на авторитеты, довольно-таки поношенные, и на книги, порядочно уже устаревшие. И вот он, со свойственным ему скептицизмом, сказал пару слов о печальной способности русской мысли застаиваться на некоторых излюбленных ею пунктах, об её наклонности к сектантской нетерпимости и обо всём другом, что, на его взгляд, сильно вредит её росту и лишает её мощи и оригинальности. Ему возразили на это тем, что довольно ехидно попросили его точнее изъяснить свою мысль. Это его задело. Он никогда не прочь развить своё положение, если это нужно и если его слова будут приняты с достаточной дозой внимания к ним, но он хотел бы знать, при чём тут этот тон, за которым он уже чувствует ярое стремление во что бы то ни стало вступить с ним в ожесточённую полемику?

Он, конечно, отдаёт должное такому стремлению; ему приятно видеть, что журналисты готовы и в гостиную защищать свои тезисы с той же горячностью, с какой они делают это на столбцах своих газет, – но он находит, что по отношению к нему это совершенно излишне, – ведь он солидарен с их общими принципами.

В ответ на его слова Худатов, – маленький нервозный человек, в очках и с клинообразной бородкой, – как-то странно пожевал своими тонкими и сухими губами и холодно, тоном человека, сознающего себя более сильным умственно, чем его противник, сказал:

– Отложим в сторону ваш вопрос, как побочный и, смею думать, основанный на ложном впечатлении, – суть дела не в нём. Вы говорили о новых веяниях, якобы не проникающих в сферу работы русской интеллигентной мысли, подозреваемой вами в косности и в узости. Было бы желательно знать, какие именно новые веяния вы имеете в виду – декадентство?

И он так посмотрел через свои очки в лицо Михаила Ивановича, точно говорил своими серыми, острыми глазами:

«Знаю я тебя, брат! И новое твоё знаю. Много вас таких нынче, и что желаете вы провести в жизнь под флагом новых веяний, – тоже знаю».

Михаил Иванович почувствовал себя злым после этого взгляда; ему захотелось наговорить этой компании целую кучу раздражительных вещей, назвать им книги, которые они ещё не нюхали, идеи, с которыми не успели познакомиться, явления, которые они упорно игнорируют, оставляя их вне сферы своих спекуляций в области мысли. Всё это, по его мнению, существовало, якобы было ново, не исследовано, и он был готов развернуть пред ними картину их недосмотров и пропусков... Но именно в этот момент его глаза встретились с глазами его жены.

Она смотрела на него с таким обидным для него сожалением, таким новым, чужим ему взглядом, с такой странной миной на лице, – что он изумился, смутился, готовая речь как-то рассеялась в нём, мысли перепутались, и он едва не спросил её вслух:

«Что с тобой?»

Но вовремя сдержался и тотчас же внутренне вознегодовал на неё за этот взгляд и на себя за это смущение. Поправившись, он развернул фронт своих мыслей и дал неприятелю маленькое сражение, но, споря, чувствовал, что он не в ударе, и, следя глазами за женой, всё встречался с этим её взглядом. Она первый раз за все полтора года смотрит на него так.

Что она думает? Она своими глазами положительно мешала ему говорить, и он говорил, плохо следя за собой, впадал в противоречия, волновался, позволял себе софизмы, парадоксы, резкости.

А когда он с ней вышел на улицу и они медленно пошли домой по пустынным панелям, на которых лежали тени от стен домов и от деревьев, перевешивавших свои ветки через забор, – у них, несмотря на его усилия, не клеился разговор. Жена была задумчива, отвечала односложно, но уже не смотрела на него больше «новыми глазами», как он с усмешкой, внутренне определил её странный взгляд. Определил и – испугался чего-то. А вдруг в самом деле – это новые глаза.

– Аня, что с тобой? – тревожно спросил он.

– Что? – вздрогнула жена.

– Ты так... скучна сегодня... так задумчива... Что это? Ты нездорова?

– О, нет! это... так! – неопределённо сказала она и меланхолично улыбнулась ему...

Эта улыбка успокоила его, он даже отпустил несколько едких шуток по адресу Худатова и его единомышленников, назвав их староверами нетова согласия, потому что у них нет умения схватывать новое в жизни и, в сущности, нет интереса к какой-либо иной жизни, кроме своей, журнальной. Но у них зато есть умение симулировать чувства, быть, например, горячими, когда это требуется трактуемым ими вопросом, хотя искренней горячности, горячности сердца в них уже нет, – профессия, ремесло погасили её.

– Оставь их... – тихо сказала ему жена.

– С удовольствием, – весело крикнул он.

И, придя домой, они мирно разошлись по своим комнатам, она, как всегда, поцеловала его, и в этом поцелуе он, право, не заметил ничего особенного.

Но сегодня весь день она вела себя так странно... Какая-то задумчивая, холодная, невнимательная к нему, сосредоточенная на какой-то большой внутренней работе, – сколько раз она задевала его этим чуждым ей видом, этими ответами не попадая и после долгой паузы..

– Ты что – плохо спала ночь? – спросил он у неё за обедом.

– Да! – сказала она и даже кивнула головой в подтверждение своего ответа.

– Вот видишь, – я говорил тебе вчера, что ты нездорова...

– Ну, пустяки... – махнула она рукой, и этим жестом она, казалось, просила его не мешать ей думать свои думы. Тогда он ушёл в кабинет и вот сидел в нём почти четыре часа, куря и думая – что с ней?

Теперь, восстановив в памяти весь вчерашний день, он почувствовал, что его охватило беспокойство ещё более острое.

«Неужели, чёрт возьми, их выдохшиеся речи о меньшем брате и добродетели – действуют на неё? Вот был бы сюрприз!»

Михаил Иванович криво и бледно усмехнулся и взъерошил себе волосы нервным движением руки.

Он всегда отрицал пользу разговоров о народе страны, в которой нет людей, – нет «ядра», истинно «культурной группы», тесно сплочённой на почве общего принципа, обладающей солидными знаниями, имеющей в жизни определённый вес и место, одушевлённой сознанием своей силы, пониманием своей задачи и ясным представлением о пути, вернейшем к её разрешению. А эти «тропари и кондаки, распеваемые по адресу народа либералами по профессии» и по неумению или, вернее, по неимению сил быть чем-либо иным, более определённым и ярким, эти бедные люди, для которых их «застарелый» либерализм, наверное, так же неудобен и тяжёл, как хронический ревматизм, – всё это казалось ему ненужным, не имеющим цены, даже смешным немного...

«Неужели? – думал он, потирая себе лоб. – Ну! Не может быть! Она умнее, выше всего этого... Она – натура тонкая, изящная, с сильным наклоном к эстетике, чуткая ко всему красивому. А они – даже говорить мало-мальски сносно и то не умеют. Она не поддаётся этому „гражданскому“ тону...»

Он иронически подчеркнул «гражданский тон» и направился к двери.

«Вот я тепло и славно поговорю с ней, и всё это пройдёт у неё», – уверенно подумал он, взявшись за ручку двери, и зачем-то окинул взглядом кабинет.

А в нём было уже совсем темно. Ветер колыхал драпри у окон, и они чуть слышно шелестели, как бы шепча о чём-то. Луна всходила, и уже один её луч лёг на стол и блестел на металле рамки с портретом жены Михаила Ивановича. Темно и скучно, жутко было в этой большой комнате. Михаил Иванович вздохнул, толкнул дверь и ощутил, как у него дрогнуло сердце, когда петли двери тихонько и так жалобно взвизгнули.

II

Жена, улыбаясь неопределённой улыбкой, встретила его на пороге комнаты. Он быстро окинул её взглядом с головы до ног. Она была сегодня очень интересна с своим овальным, мечтательным лицом, крупные черты которого так хорошо оттенялись рамкой вьющихся, тёмных волос. Глаза её – большие, серые, миндалевидные глаза – были немножко прищурены от улыбки сочных, крупных губ. И пеньюар, пышный, белый, так красиво лежал на её стройной, высокой фигуре, с округлёнными плечами и полной, роскошно развитой грудью.

– О, какая ты сегодня... важная! – с удовольствием сказал Михаил Иванович, обнимая её за талию и чувствуя себя очень влюблённым в эту красивую женщину. Она просто, грациозным движением освободилась от его руки, положила ему свою левую на плечо

Открытие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
и, закинув правой шлейф пеньюара, сказала:

– А я шла к тебе. Мне сделалось скучно...

– Представь! И мне то же самое сделалось! – весело воскликнул Михаил Иванович, идя рядом с ней к софе, стоявшей у раскрытого окна, выходящего в сад.

– Мне захотелось поболтать с мужем, – всё улыбалась она.

– Вот – говорят, что единение душ невозможно! Я шёл к жене именно за тем же. Впрочем, нет, – я собирался говорить серьёзно.

– Ты, кажется, был ведь против серьёзных разговоров с женщиной? – спросила она, уютно устраиваясь на софе. Он заметил в её тоне новую нотку и подумал, что, пожалуй, серьёзный разговор нужен и будет, – хотя он уже решил было не начинать его, видя её такой славной.

– Это не касается жены.

– А! Я забыла, что жена уже не считается мужчиной за женщину, – небрежно бросила она, и опять в её словах звучало нечто новое.

В нём снова проснулась неопределённая боязнь чего-то неотвратимого, – и, осложнённая любопытством, она заставила его поторопиться разрешить свои сомнения. Он сел в ноги у неё, на низенький пуф, и, взяв её руку, голосом, в котором было много задушевности, немало любви и немножко боязни, – начал:

– Слушай, Аня, – я хочу спросить тебя... почему ты вчера, у Худатовых, во время спора так странно смотрела на меня? а? Ты можешь это сказать мне?

Если бы в комнате был огонь, муж увидал бы, что его жена и теперь так же странно смотрит на него, как она смотрела вчера. Но огня не было, в окна светила из сада луна, и её молочно-голубое сияние фосфорическими бликами лежало на всём – на белых чехлах мебели, на паркете пола, на пеньюаре женщины, лежавшей на софе, – и кружева пеньюара от света луны стали как бы пышнее, облекая стройное тело, как пеной.

– Знаешь – не будем говорить об этом, – попросила она его, сдвигая брови.

– Не говорить? Смотри – удобно ли это? Так понемногу, ощущение за ощущением, мысль за мыслью, в тебе может сложиться нечто такое, что лишит меня возможности понимать тебя, что может вырасти между нами в гору, которая, в конце концов, помешает нам видеть друг друга, разъединит нас. Ведь вот именно потому-то люди и становятся чуждыми друг другу, что забывают или стесняются выговаривать вслух свои мысли, не формулируют вовремя своих впечатлений и позволяют себе замалчивать то, что нужно бы сказать. Я не настаиваю на моём желании, Аня, но скажу прямо: я хотел бы, очень бы хотел, чтоб ты ответила мне.

В саду тихо, чуть слышно, так нежно шумели листья деревьев, и оттуда пахло цветами, землёй и травой. Какая-то скромная птичка задумчиво щebetала и посвистывала в глубине тёмных деревьев, с вершинами в свете луны.

Женщина молчала, сосредоточенно сдвинув брови. Михаил Иванович поцеловал ей руку и стал гладить её ладонь, с ожиданием глядя ей в лицо.

– Как ты сегодня хорошо говоришь... и нежен... – медленно, лениво выговаривая слова, точно в полусне, протянула она.

– Так ты не станешь отвечать? – кротко спросил он, уже глядя её рукой свои усы.

– Пожалуй, скажу... Но так хорошо сегодня, что, право, не хочется ни о чём говорить.

– Прекрасно – не говори! Поцелуй меня, и этого мне достаточно...

«На сегодня», – dokonчил он про себя, потому что она всё более казалась ему новой и непонятной.

Открытие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Нет, – вдруг повернулась она на софе, с тем капризным и властным лицом, которое так часто бывает у женщин, сознающих себя сильными, и с той резкой переменной настроения, которым обладают в совершенстве только женщины и которое, иногда, заставляет думать, что их душа обладает способностью в одну секунду переживать года.

– Нет, я буду говорить, хотя и чувствую, что испорчу настроение и себе и тебе...

Хочешь?

Она села теперь и склонилась к нему, упираясь руками в его плечи, а он смотрел на неё снизу вверх и чувствовал неодолимое желание обнять её. Он и сказал ей это.

– После будем целоваться, подожди. В самом деле, – я буду говорить. Слушай и, пожалуйста, я очень прошу тебя, не мешай мне, не перебивай меня, не спрашивай о том, чего не поймёшь. Но ты всё поймёшь: это ясно, очень ясно. Я ведь уже давно думаю об этом. Слушай – я сделала открытие... нет! я сделала несколько открытий – в себе самой, в тебе, в людях, в жизни...

В ней вдруг точно закипело что-то. Её лицо вспыхнуло, глаза сузились, на лбу появились морщины, ноздри стали вздрагивать, – это всё не шло к ней, её лицо было более красиво, когда оно было покойно...

– Открытия, да, – торопливо говорила она, сняв с его плеч руки и теперь теребя своими красивыми пальцами кружева. – Начну с тебя – я посмотрела на тебя достаточно. Я хотела узнать – сильный ты? Оказалось – ты скептик, а скептик не может быть сильным. Умный ты? Не умнее других. А вчера был... очень не умнее. Не обижайся – это правда. Быть может, ты добрый? Ты сам знаешь – нет! Ко мне ты добр, ты ещё любишь меня.

– А ты?! – воскликнул он.

– А я просила не перебивать меня. Что есть в тебе своего, оригинального, такого, чего нет в других людях? Я заметила только одно – это твоя манера надевать перчатки. Больше ничего пока не заметила. Людей ты не любишь, они тебя – ещё больше. Говорят, что ты карьерист... это, положим, не важно для меня. Самолюбив ты... это не порок, если человек умеет быть самолюбивым, не теряя своего достоинства, ты – не всегда умеешь, ты вчера... Но это после. Вообще ты довольно-таки неинтересен, если говорить беспристрастно. Любишь ты меня... это чьё достоинство – твоё или моё? Ну... и что же? Я чувствую уже, что скоро я захочу чего-то такого, чего ты мне не дашь. Я буду искренна, я именно для того и говорю все эти неприятные вещи, что хочу быть искренней. Меня утомляет эта жизнь, – она, видишь ли, пуста очень, несмотря на то, что вся заполнена. Пить чай, гулять и завтракать, читать, обедать и гулять, пить чай, играть, идти в гости, принимать гостей, идти в театр... это довольно-таки скучно! Я как-то раз, недавно, на днях, вспомнила, что ведь не может быть, чтобы я родилась и воспитывалась для всей этой... скуки. Заняться мне филантропией? Ты знаешь, я всегда была против комедии и фарсов, мой жанр – драма...

– Да, – усмехаясь и кусая усы, сказал Михаил Иванович. – Ты хочешь драмы... Ты уже, кажется, начинаешь её...

– Вот видишь?! – Она погрозила ему пальчиком с тем комически важным выражением на лице, которое гораздо более шло бы ребёнку, чем ей.

– Бывали уже моменты, когда, сидя за обедом, я чувствовала желание вылить тебе на голову суп, стащить на пол скатерть и вообще сделать что-нибудь грубое и экстравагантное.

Потому что скучно, пойми ты это. Этот вчерашний вечер! Эти их мысли, их речи, которые даже я, не слушая их, слышала уже более пятидесяти раз, твой спор с ними – зачем всё это? Какой во всём этом смысл? Какое значение, результат, пользу, красоту имеют эти либеральные собрания, на которых говорят так много и всегда так мало скажут? Наконец, ты! Фи! Ты умнее, свежее их, разнообразнее; но каждый раз, когда ты ввязываешься в их споры, они бьют тебя, несмотря на остроту твоего ума, более чуткого, чем их умы. В круге их идей – ты чужой, их настроения – тебе непонятны, а они-то все очень хорошо понимают тебя, и ещё знаешь что? У них есть

Открытие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

почва, да, есть, что хочешь говори, всё-таки есть. Даже я, которой всё равно – существуют они или нет, – даже я чувствую в них много скрытой силы, силы сдавленной, но цельной и здоровой. Тебе бы не надо состязаться с ними в эристике; ты ведь это делаешь ради ощущений, только ради того, чтоб бороться, и в надежде победить. Я думаю, что это ты напрасно, ты, – как и все люди твоего настроения, – неспособны к победе. Ты видишь, я таки думаю кое-что и понимаю кое-как жизнь... Но и у меня, как у тебя, нет направления... Хотя, знаешь ли, я никогда не стану такой жалкой, как ты вчера был и часто бываешь. Сколько ты потерял в моих глазах во время споров с ними, и как я, порой, бывала зла на тебя, когда они побивали тебя! Ну, скажи, зачем ты это делаешь, зачем, когда это понижает твою ценность?

– Слушай, Аня, оставь это... это не понято тобой... – тихо сказал Михаил Иванович, чувствуя, что у него внутри творится что-то странное: то горит, то холодеет. Он не сводил своих широко раскрытых глаз с её оживлённого лица, теперь своеобразно красивого... Таким он ещё не видал его.

– Не понято? О! Но что же? У меня нет жизни, живой, интересной жизни, жизни, которая охватывала бы меня всю сразу и причиняла мне много боли, радости, приносила бы мне всё такое острое, новое... Вот как надо жить – ведь да? Ты сам говорил не раз, что достоинство жизни в разнообразии её впечатлений и, чтобы жизнь была интересной, нужно обогащать её впечатлениями. А где я их возьму? Я уже чувствую потребность в новизне и, мало этого... я понимаю, что эта потребность может сделать меня несчастной и, наверное, сделает и тебя таким. Смотри – мы прожили с тобой полтора года, как вполне порядочные буржуа, детей у нас нет, ты меня любишь... мне скучно! Мы обеспечены. Это тоже скучно, мой друг. И вот я смотрю в будущее – там тоже скучно. Ты так легко исчерпаем. Ты ничего ведь не дашь мне нового, разве вот теперь станешь бояться и ненавидеть меня за то, что я была с тобой искренней...

– Это – все твои открытия? – тихо спросил Михаил Иванович. Он давно уже слушал её, опустив голову и не глядя ей в лицо. В саду всё шелестели листья, шепча о чём-то грустном, и луна, выплывая всё выше в небеса, скрадывала своим сиянием блеск звёзд. А птичка уже молчала.

– Это – все мои открытия. Я резюмирую их. Скучно жить даже и тогда, когда любишь.

Неприменно нужно ещё что-то. Что? Если бы я знала, я так бы и сказала тебе – нам нужно вот что! Я не знаю, ничего не знаю, – я только чувствую, что всё – и твоя любовь – мне не дорого. Я сочла нужным сказать тебе всё это, потому что ведь это предисловие к семейной драме, не так ли?

Она смотрела на него сверху вниз, и в глазах её светились и смех, и любопытство, дьявольски острое любопытство, холодное, беспощадное. Он всё ещё не поднимал головы.

– Я не понимаю тебя... Это... творится что-то странное. Я слишком уважаю тебя, чтобы тебе не верить, и боюсь поверить, что ты говоришь именно о том, что чувствуешь. Это твоё желание сорвать со стола скатерть и вылить на меня суп... я думал над ним... мне кажется, оно всего ближе к истине твоего настроения. Но почему? почему, Аня?

Он схватил её за руки и сжал их крепко и больно. Она даже побледнела от такого пожатия.

– Пусти!

Он не пускал. Она точно маленьких змей набросала ему в сердце своим языком, и они шевелились там, внутри его, и наполняли его горьким ядом. Ему хотелось закричать на неё, затопать ногами, ударить её по лицу, унижить, заставить её почувствовать самое себя жалкой, нуждающейся в сострадании... Она бы пришла к нему тогда... а он её выгнал вон и так отомстил бы ей за эти минуты. Но он только думал о таких чувствах, он только воображал их – в нём их не было. Он просто чувствовал себя как бы измолотым каким-то тяжёлым жерновом. В голове его ясно было одно – жизнь изломалась!

И, глядя на ту, которая так спокойно и так просто изломала её, эту жизнь, он

Открытие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
изумлялся силе женщины. Да, так вот как это опасно – любить! Он всё ещё жал её руки, бессмысленно уставившись в её лицо широко открытыми глазами, а она вырывала их из его пальцев и билась, и уже шептала:

– Пусти!

Наконец он выпустил их, поняв, чего она хочет. Он снова сел на пуф, она же встала с софы и гневно сказала ему:

– Грубо! Это непорядочно! Грубо – слышишь?

Он смотрел на неё: она стояла среди комнаты, в пене кружев, облитых луной, с суровым лицом, сверкая глазами, и потирала онемевшие от боли руки.

– Извини! Я не хотел... – тихо сказал он. – Мне ведь тоже больно...

– Бедный... я тоже не хотела бы этого. Но вот что – ты не думай много – я ещё не всё сказала. Я только дала тебе понять, что у меня появилось новое настроение и что оно вот какое: я думаю, что это я хочу новой, иной жизни, жизни с каким-нибудь смыслом... Тебе надо остаться одному и подумать. Я уйду...

Всё это так звучало в его ушах, будто доносилось откуда-то издали. Потом щёлкнул замок двери – гулко так щёлкнул. Он обернулся – её уже не было. Ему хотелось бы плакать, но мужчинам это всегда удаётся с трудом. Ему не удалось. А вокруг было так странно тихо и пусто, только шёпот деревьев из сада всё лился в окно такой ласковой, задушевной волной.

Михаил Иванович, чувствуя, что голова у него страшно тяжела, положил её на софу и долго сидел так, неуклюжим комком, сжимая руками виски и всё стараясь отдать себе отчёт в происшедшем. И уже когда рассветало, он медленно поднялся, наклонился к окну и, вдохнув в себя много свежего воздуха, вполголоса, очень тихо, почти шёпотом, с глубокой болью в глазах спросил:

– Что же теперь будет?

III

«Что же теперь будет?»

Этот вопрос неумолкаемо звучал в голове и в сердце Михаила Ивановича всю ночь, после его разговора с женой, весь следующий день, и вот снова наступил вечер, а впереди его снова была бессонная ночь, полная предположений о том, что может быть между ним и женой, скоро ли это будет и как, в какой форме произойдёт оно.

«Собственно говоря – что случилось? – лёжа на диване, думал Михаил Иванович, глядя сквозь цветы на окне в синий кусок неба, на котором уже зажигались звёзды. – Женщина заявила мне, что у неё родилось настроение, чего-то требующее от жизни нового, настроение, отодвигающее меня, первую величину её жизни, куда-то вдаль от её чувств и её внимания ко мне, куда-то вглубь... Заявила об этом... предисловии к измене долгу жены... и спокойно, с чистой совестью уехала на дачу на целый день, оставив меня с самим собой... и с этим проклятым предчувствием близкого разрыва с ней... моей женой, которую я... люблю теперь больше и глубже, чем любил три-четыре дня тому назад. С какой это стати, теперь, именно теперь, когда она вдруг, без всякой вины моей, незаслуженно, несправедливо нанесла мне этот удар, дала мне столько тоски и боли, – она стала дороже... ближе мне, необходимее?»

Ему казалось, что в каждый данный момент она может войти в комнату, свежая и красивая, с запахом соснового леса, привезённым ею с дачи, войдёт, сядет к нему на диван и скажет:

– Продолжим наш вчерашний разговор...

И в результате этого разговора – его жизнь окажется изломанной, его жена – чужой ему, он сам превратится в соломенного вдовца – смешное и постыдное амплуа для человека с положением в обществе! Оно довольно снисходительно относится к мужьям, бросившим жён, но всегда так обидно подсмеивается или глупо жалеет мужей, брошенных жёнами. Как ему, Михаилу Ивановичу, жить, когда случится это? Уехать придётся отсюда... А она что будет делать? Она так красива... Явятся поклонники, ухаживатели, и... один из них займёт его место...

Михаил Иванович почувствовал, как волна холодного бешенства охватила его, и он задрожал от гнева, предчувствуя то оскорбление, которое ждёт его впереди, полный зверской ревности и ненависти к своему будущему сопернику.

«Я... убью её!» – стиснув зубы, подумал он, садясь на диван и хватая себя за голову руками. Где-то близко, должно быть, у соседей, играли на скрипке с аккомпанементом рояля.

Тоскливые рыдания терции носились в тишине вечера, о чём-то прося, на что-то жалуясь, и струны рояля вторили им глухими звуками, задумчивыми и полными чего-то тяжёлого, неотвратимого.

«О, как это глупо! – с тоской подумал Михаил Иванович. – Как это лживо, как опасна и ядовита эта красивая музыка, трогающая душу, смягчающая сердце... Он водит смычком по струнам, она бьёт пальцами по клавишам, звуки гасят их умы... и вот они тоже... как я когда-то, полюбят, будут говорить друг с другом о новом счастье, о новой жизни... о всех этих сантиментальных чувствах... И женятся потом. И потом она подстержёт его, когда он будет безоружен, когда он поверит в неё, в её любовь, в возможность дружбы и новой жизни и во всё это... и вдруг – удар! Я чувствую, что хочу не тебя, нет, а чего-то другого! Дай мне иную жизнь! Как это благородно – сказать прямо в глаза человеку, через полтора года после первого поцелуя, что любви нет уже и что нужно что-то другое! Иную жизнь! Новую жизнь? Быть может, вы, сударыня, хотите просто-напросто новых губ, которые целовали бы вас, новых объятий, да? Вы, может быть, нового мужа хотите, а думаете, что вам нужно новой жизни?... О, вы!»

Он скрипел зубами и повторял про себя все злые афоризмы, сказанные о женщинах людьми, почему-либо потерпевшими у них фиаско и поэтому ставшими в отношениях к женщинам скептиками и пессимистами, циниками и зоилами. Будь его жена в этот момент тут, с ним, он наговорил бы ей грубостей, – быть может, прибил бы её. В нём кипело страстное негодование против этой женщины, с которой он связал свою жизнь, против всех женщин, таких загадочно странных в своих чувствах, в своей логике, всегда неуловимо капризных в своих настроениях, повинующихся чему-то неопределённому, какому-то романтизму, вечно жаждущему новизны впечатлений, никогда почти не примиряющемуся с действительностью надолго...

«В каждой из них скрыт яд, разлагающий семью, каждая из них носит в себе зародыш несчастья, и блаженный Августин, сказавший о женщине, что она „горше зла, и душа её пустынна, как Фиваида, и открыта всем ветрам“ – прав! Именно – пустынная душа!»

А скрипка всё пела, и так много было чарующей ласки в её мечтательной мелодии, что казалось – за окном именно потому и тихо так всё, что всё – и сад, и небо, и улица – слушают эту ласковую музыку, обещающую так много чего-то хорошего, светлого, одухотворяющего. Михаил Иванович снова лёг на диван, закинул руки за голову и без дум несколько минут слушал скрипку. Под окном стояли деревья, не шелестя листвой, на окне – цветы, и сквозь них просвечивало далёкое, спокойное небо с огоньками звёзд на нём, разгорающихся всё ярче...

«Никогда не надо показывать женщине, как много любишь её... – снова думал Михаил Иванович, и сердце у него было полно щемящего чувства. Одиночество смотрело да него тёмными глазами изо всех углов комнаты, и, когда он заглядывал вперёд, – там рисовались ему такие гадкие, шумные, злые сцены со слезами, с истерикой, с взаимной ненавистью друг к другу. – Из-за чего всё это? Только из-за того, что у человека явилось какое-то неопределённое настроение, смутное желание чего-то... И эта туманная эмоция разрушает установившуюся жизнь, коверкает её, заставляет думать о будущем тяжёлые и чёрные думы. Чего же нужно этой женщине?»

Он чувствовал, как в нём постепенно и всё настойчивее возникает ненависть к жене, ему хотелось бы унижить, оскорбить её и наслаждаться слезами её боли. Где-то вдали глухо задребезжали колёса пролётки по камням мостовой.

«Она? – приподнялся Михаил Иванович на диване и вытянул голову по направлению к окну.

– Едут... Всё ближе... Это она... Не надо показывать ей, как мне больно. Я и вчера не должен был бы... она!»

Пролётка остановилась у дома, и слышно было, как дышала лошадь, щёлкнул замок кошелька, как дёрнули за ручку двери и нетерпеливо топали ногой по каменным плитам крыльца.

«С кем она была там?» – возник вопрос в голове Михаила Ивановича, и, прислонясь к спинке дивана, он приложил руку к сердцу и раскрыл рот так, как будто задыхался.

Сейчас она должна придти сюда. С каким лицом войдёт она, что скажет? Болезненно острое любопытство кололо сердце Михаила Ивановича, и чувство ненависти уступало место ощущению боязни, страха пред этой женщиной, зачем-то так усложнившей его жизнь, приятную и спокойную до этого разговора... Идёт!

– Ты здесь, Миша? – раздался её спокойный голос с порога кабинета.

Он помедлил ответить ей и, рассматривая её стройную фигуру в пышном, светлом платье, стоящую в дверях, старался догадаться, чего ему от неё ждать. Она увидела его и с ноткой неудовольствия заметила, идя к нему:

– Что ж ты молчишь?

– Так... замечтался... – тихонько ответил он.

У неё выражение лица, движения, тон, – всё было так властно, в ней чувствовалось много сознания силы, и когда она, шелестя платьем, села на диван рядом с ним, Михаил Иванович вздрогнул и отодвинулся от неё, чувствуя, что эта боязнь женщины, ранее незнакомая ему, теперь всё более охватывает его...

– Что ты делал сегодня днём? – спросила она, заметив его движения и пытливо глядя ему в лицо. – И почему ты не велишь зажечь огонь? Здесь так мрачно...

– Не надо огня, – мягко попросил он её и, стараясь не выдавать своего волнения, ровным тоном сказал, что он ничего не делал, а так вот, лежал всё и думал. Он несколько нездоров, должно быть, чувствует какую-то апатию ко всему, в голове как-то тяжело и туманно...

– А я, – как бы извиняясь пред ним, начала она, – очень весело провела время.

– Кто... там был?

– Много... Приехал к Марье Ивановне из Томска какой-то кузен – суровый горный инженер, громадный, лохматый, великолепный экземпляр сибиряка. Говорил низким басом что-то о переселенцах и с высоким пафосом о задачах интеллигентного общества в деле помощи переселенцам. Это, конечно, было скучно, но сам он... интересен.

«Вот!» – с холодом в сердце подумал Михаил Иванович, и мучительное чувство ревности, охватившее его, выразилось в горьком, сдавленном, злом смехе. Он закинул голову и смеялся, зашурив глаза и нервно хрустя пальцами. Она же, удивлённая этим смехом, отодвинулась от него, привстала и, пытливо глядя ему в лицо, тихо спросила:

– Что это? Что с тобой?!

– Ничего... Ха-ха-ха! Продолжай не обращать на меня внимания.

– Нет, Мишель, что с тобой? – В голосе её звучала тревога...

Он замолчал и, полный нестерпимой боли, закрыл лицо руками. Она ждала ответа, всё ближе склоняясь к нему. Она слышала, как он дышал, и видела, что что-то истерическое было во всей его фигуре. А её близость усиливала его боль. И в муках своих, не глядя на неё, он чувствовал её красоту, чувствовал, что его любовь к ней всё растёт, обращается в страсть, что теперь, когда он теряет её, – она неизмеримо дорога ему, страшно нужна для его жизни...

И он теряет, теряет её. Картины первых дней их совместной жизни вспыхивали в его памяти; он вспоминал слова и фразы, полные страсти, которыми они щедро

Открытие. Максим Горький gorkiymaxim.ru
обменивались друг с другом тогда...

– Миша! Ты должен сказать мне, что с тобой! – уже строго сказала она ему.

– Не лги! – зло крикнул он, вскакивая с дивана. – Как будто ты не знаешь! О, ты!
– Ему хотелось найти такое слово, которое уничтожило бы, раздавило её, и он с глазами, налитыми кровью, сжал кулаки, бешеный, готовый ударить её, склонился к её лицу и задыхаясь спросил:

– За что? Чем... скажи, чем я вызвал всё это? Разве я...

– Успокойся... – сказала она властно, как человек, сознающий свою силу. Спокойствие её лица и тона как-то оттолкнуло его от неё, он отошёл в глубь кабинета, бросился там в кресло и утонул во тьме. Она удобно уселась на диване, оправивла платё, сняла с рук браслеты и, загадочно улыбаясь, играя ими, посмотрела в его сторону.

В комнате стало тихо, – только звук золотых цепочек чуть слышно дрожал в тьме. За окном тоже было тихо и жутко. С неба, сквозь цветы, смотрела в кабинет яркая звезда.

– Ты торопишься... – раздался её голос, ровный и убедительный. – Ты слишком быстро пошёл навстречу событиям, которые могут и не иметь места в нашей жизни. Нельзя, мой друг, с намёка создавать драму, из слов делать факты, – это наше, женское дело, как говорят мужчины, а не дело мужчин. Мне очень грустно видеть тебя так мало мужчиной, так мало способным отстаивать своё я... С чего ты так... взвинул себя на драматический лад? Право, Миша, у тебя нет оснований для этого... Что сделала я такого, что могло бы дать тебе право показывать мне такие страшные гримасы? Подумай...

Он молчал.

– Странные вы стали, – задумчиво продолжала она, – вы чересчур... нищи духом; боитесь драм и сами создаёте их этой боязнью. Мы сильнее вас... как ты думаешь?

– Скажи мне, – раздалось из тьмы глухо и как-то бесцветно, – чего ты хочешь? Что такое это «новое», которое там зародилось у тебя? Что это? И откуда эта «скука»? Ну, скажи мне кратко, определённо, – чего мне ждать от твоего открытия?

Она опять загадочно улыбнулась... Браслеты всё звенели в её руках... Они долго молчали – он там, в углу комнаты, скрытый тьмой, она – на диване, в грациозной позе, вся утопая в складках платёя...

Вдруг решительным и сильным движением она встала с дивана и пошла к нему. Вслед ей мягко звякнули браслеты, брошенные на сиденье дивана. Когда она подошла к нему, туда в угол, контуры её фигуры как-то сгладились тьмой, и она стала белым, туманным пятном.

– Тебе очень больно? – раздался её ласковый, матерински нежный шёпот.

В ответ раздалось что-то вроде стоны.

– Бедненький мальчик! А ты очень любишь меня?

– Уйди! Это жестоко и... и низко, да! Мучишь меня ты... Уйди! – Он кричал...

– Миша, успокойся! – тоном сильного сказала она. Послышалась какая-то возня, точно они боролись там во тьме. Потом раздался звук поцелуя...

– Успокойся... послушай, что я скажу тебе...

– Ещё! – с горечью воскликнул он.

– Но это тебя излечит, поверь мне!..

– Всё равно! Говори, говори что-нибудь! Скажи, что это будет не скоро ещё... что у тебя ещё нет... тебе ещё нечем заместить меня... что пока я...

Открытие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Она, должно быть, зажала ему рот рукой – его речь так странно оборвалась. Снова наступила тишина, изредка прерываемая шорохом её белого платья...

– Вот послушай... и подумай, каким путём додумалась я до того, что скажу тебе, и мог ли быть лёгок этот путь. Я опять буду говорить об открытии, сделанном мною, – но не бойся!

Я прошлый раз ничего не открыла тебе... я не о нём говорила, видишь ли... или, вернее, – я не говорила о нём, а применила его к жизни, желая видеть, насколько оно... как это сказать?

Нет, это совсем не надо говорить. Видишь ли что... ты спрашиваешь, зачем я сказала тебе это? да?

– Говори... – прошептал он.

– Ну, представь себе, что я сделала это не потому, что хотела быть искренней с тобой, а потому, что хотела узнать, как сильно ты меня любишь. Предположи, что у меня нет никакого нового настроения и никаких запросов в жизни, – ничего, кроме любви и интереса к тебе.

Раздался глубокий вздох...

– Ты слишком привык ко мне, слишком мало уделял мне внимания в последнее время, я уже стала обычной вещью твоего жизненного обихода и – от этого мне стало скучно. Вы, мужья, изучив манеру ваших жён мешать ложечкой в чашке чая, думаете, что уже совершенно постигли, поняли, уразумели и исчерпали всё существо подруг вашей жизни, что уже, если все жесты и вкусы их вам известны, – вы знаете и всё то, что творится в глубине души женщины. Мы, однако, живые существа, воспринимаем впечатления и, как все люди, с каждым днём становимся сложнее... Вы забываете об этом... И ты забыл, что я живая. Ты последнее время уже довольно часто бывал не только непростительно невнимателен ко мне, а и прямо-таки чужд мне. Ты начинал прятаться от меня в самого себя, решив, очевидно, что со мной можно только целоваться и что говорить уже, пожалуй, не стоит. Я показалась тебе близко и хорошо знакомой, исчерпанной... пустой для тебя...

– Неправда! – горячо крикнул он.

– Быть может. Но мне показалось, что это так. Иногда я думала, что напрасно мы, женщины, позволяем себе сразу открываться пред вами. Нужно всегда стараться поддерживать интерес к себе, нужно оставаться всегда загадкой для мужа и поражать его неожиданностями и именно в то время, когда он теряет интерес к жене. Видишь, как я открываю пред тобой мои карты? Я не должна бы делать этого, знаю, но... мне так жалко тебя.

– Жалко! – с горечью воскликнул он.

– Не бойся – в любви женщины всегда есть много жалости... особенно в настоящее время, когда вас не полюбят, не пожалев сначала... Уж очень вы все бесцветны... почти настолько же, насколько корректны... внешне, конечно. Ну, так я продолжаю. Я сказала сама себе – нужно подогреть его – твой интерес ко мне... И именно в этом было моё открытие... понимаешь, в этом, а новое настроение я выдумала. Ведь ничем не разожжёшь вас так, как ревностью, как боязнью потерять жену. И вот я вселила в тебя эту боязнь, чтоб посмотреть, каков-то ты будешь? Ты, оказывается, даже пересаливаешь... я увидела это, и – вот видишь, мой дрянной мальчишка, мне стало жаль тебя, и я открыла тебе мои карты... Все открыла, совершенно искренно... Ты извинишь мне этот маленький опыт, да? Конечно, ведь ты же любишь меня! Один неприятный день, и я спокойна, я знаю, что ты любишь меня, что я ещё дорога тебе, что мы можем славно жить с тобой... Но – знай! чуть только ты начнёшь очень привыкать ко мне, – я снова устрою тебе один такой день... Понял ты меня, да?

– Понял... – глухо сказал он.

– Ну, и нужно забыть это всё... Забыть и не negliжировать своей женой, которая любит...

– Подожди! – остановил он её. – Скажи мне – когда ты лгала: вчера или сегодня, сейчас?

Открытие. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Она засмеялась ясным, торжествующим смехом и смеялась долго...

– Бедный! Как я напугала его, – воскликнула она сквозь смех.

– Скажи! – просил он её со страстью в тоне.

– Боишься, да? – весело воскликнула она. – Милый, как давно я не видала тебя таким!

Она целовала его...

Луна взошла, и пятна света лежали на палу, столе и на диване...

.....
А когда всходило солнце и первый луч его, пройдя сквозь цветы на окне, упал на пол, – Михаил Иванович встал с кресла, подошёл к окну и опустил гардину, боясь, что солнце разбудит его жену, спокойно спавшую на диване. От окна он, осторожно шагая, направился к ней. Она улыбалась во сне такой загадочно красивой улыбкой и была крайне интересна, вся в белых складках платья – точно в пене.

Он пристально, хмуро и пытливо посмотрел на неё, вздохнул и снова сел в кресло, упорно думая:

«Когда она лгала – вчера или сегодня?»

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!